

ВИКТОР БОЧЕНКОВ

КОРЗИНА С МУХОМОРАМИ

О нищете и блеске “Тарусских страниц” и не только

Как упоительны, как восторженны отзывы о “Тарусских страницах” – сборнике поэзии и прозы, вышедшем в 1961 году в Калуге!

В рамках Дней славянской письменности и культуры к его 50-летию в старинном городке на Оке прошло выездное заседание кафедры современной литературы Литературного института. Гости, прибывшие из Москвы, в том числе тогдашний ректор Борис Тарасов, отметили, как писала местная газета “Октябрь”, “ту неоценимую роль, которую сыграл литературно-художественный иллюстрированный сборник “Тарусские страницы” в жизни предельно идеологизированной страны начала далёких 60-х годов минувшего столетия”. Литературоведы говорили, что это “книга-веха, книга-водораздел – мыслей, чувств, сознания... Паустовский и его сподвижники предприняли попытку показать иной срез литературы – не привычный официоз, а то, что говорит человек, когда ему дать немного больше воли и свободы... “Тарусские страницы” дышали своей литературной порядочностью. Такие книги – книги-события. Время не властно над “Тарусскими страницами” (В. П. Смирнов)¹.

Понимаете, “книга-веха” – не “Тихий Дон”, не “Чевенгур”, не “Белая гвардия”, не “Русский лес”! Это полузабытый альманах, и хорошо, если кто-то вспомнит и назовёт кого-то ещё из его участников, кроме Паустовского.

В тот юбилейный 2011 год был выпущен – как символ литературной преемственности – новый альманах с тем же старым названием.

“Тарусские страницы” стали контрафактой Паустовского, прорывом новой цензурной блокады”² (sic!). Так заявляет неподписанная статья “Литературная Москва” и “Тарусские страницы” Паустовского” на сайте “Константин Паустовский”. Представляется, как автор “Золотой розы” мчится куда-то вперёд на лихом коне по бранному полю, уводя за собой писательское войско. “Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно”.

“История калужского альманаха, случившаяся во времена оттепели, – классический пример риска, дерзкой авантюры, без которой немислим литературный процесс”, – писал ещё раньше, в 1998 году журналист Илья Мильштейн в “Огоньке”³. Это, кстати, одна из первых “горбостроечных” публикаций, создающих из “Тарусских страниц” литературный миф.

Восторженные сентенции об альманахе часто звучат в книгах об Окуджаве, который опубликовал здесь первую свою повесть “Будь здоров, школяр”.

“Тарусские страницы” овеяны романтическим флёром в биографии Марата Гизатулина “Булат Окуджав: “. . . из самого начала” (М., 2008). По его словам, редакторы Калужского книжного издательства Роман Левита и Николай Панченко, задумав сборник, решили “при благоприятном развитии дела” привлечь Паустовского “хотя бы в роли “свадебного генерала”⁴. Уместна была бы

этическая оценка подобного замысла, но автор её игнорирует. Узнай Паустовский, как его хотели “использовать”, наверное, обиделся бы.

“Свадебные генералы” не бросаются в “контратаки”.

В унисон с одним биографом пишет и второй – Дмитрий Быков, избегая в своей “ЖЗЛовской” биографии “Булат Окуджава” (М., 2009) столь неосторожных выражений. Тут вышепомянутый Левита “позвал” Паустовского быть редактором-составителем сборника, “думая поначалу, что должность будет чисто декоративной, но Паустовский взялся за дело с неожиданным рвением”⁵. Сказанное дальше о “Тарусских страницах” – филологическая эквилибристика с неопределяемыми понятиями “советское” и “несоветское”, и за этим словесным ворохом стоит по существу убогонькая мысль о том, что вся советская литература в основе была ущербна, за исключением, надо понимать, “Тарусских страниц”.

В той же тональности звучит глава об альманахе у Рудольфа Панфёрова в книге “Простой романс сверчка” (Калуга, 2011).

Сборник и события вокруг него выходят за рамки провинциального литературного явления. Из “Тарусских страниц” упорно, искусственно и целенаправленно создаётся миф, который захватывает сферу социальных оценок, мнений и определений. Меня упорно призывают думать по схеме: была, мол, прекрасными людьми создана прекрасная книга, а её забили-задушили, – вот какой несправедливой была советская власть, гнавшая всё светлое! Идеологема кочует из книги в книгу, из головы в голову. Ну а что же произошло на самом деле?

“Могучая кучка”

У “Тарусских страниц” действительно сложилась драматическая судьба. После критических статей в газетах и журналах было сурово наказано руководство Калужского книжного издательства. Сам выход альманаха окрещён “идеологической ошибкой”. Вместо запланированного тиража в 70 тысяч вышло в свет тридцать. Печатание было приостановлено. Как сказано в докладной записке начальника Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР Павла Романова, направленной в декабре 1961 года в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, причиной тому стала нехватка бумаги. Пользуясь этим случаем, Павел Константинович в своей записке рекомендует “дальнейшее печатание сборника не производить”. Так что, будь бумага, альманах вышел бы полным тиражом, и никто бы не помешал.

Перед началом каждой драмы необходимо представить главных героев. Состав редколлегии указан на обороте титульного листа “Тарусских страниц”. Шесть имён, большинство которых сегодня ничего не говорит даже литературоведам.

Владимир Васильевич Кобликов (1928–1972) – талантливый калужский писатель, с 1957 года – сотрудник местной комсомольской газеты “Молодой ленинец”. Несколько месяцев он проработал здесь заведующим отделом культуры и затем был назначен ответственным секретарём редакции. В Калужское книжное издательство пришёл в конце 1961 года. Когда его в 1964-м расформировали, целиком посвятил себя творческой работе. К сожалению, писатель слишком рано ушёл из жизни, в сорок четыре года, и мог бы, конечно, совершить больше.

Николай Давидович Оттен (Поташинский) (1907–1983). Вполне правверный советский драматург и сценарист, живший в Тарусе. В титрах фильмов “В дни Октября”, “Татьянин день” (последний тоже о революции, вышел на экраны после “Тарусских страниц”) указано его имя в качестве сценариста. Каких-то заметных произведений, переживших своё время, от него не осталось: повесть “Дань” о писателе Юрии Крымове, изданные ещё до войны книги о советских актрисах. Жена Оттена, Елена Михайловна Голышева, переводила романы Грэма Грина, Джона Голсуорси, Джека Лондона и многих других зарубежных классиков.

Николай Васильевич Панченко (1924–2005) – поэт, фронтовик, работал в “Молодом ленинце”, затем редактором в Калужском книжном издательстве, где в 1960-м выпустил сборник “Лирическое наступление”. В 1961 году Панченко уволился из издательства, где его сменил Кобликов, и уехал в Москву. Жена, Варвара Викторовна Шкловская, была дочерью известного литературоведа.

В 1965-м Панченко подписал коллективное письмо в защиту Даниэля и Синявского. А потом, двадцать лет спустя, благополучно “вышел из коммунизма” и вместе с Окуджавой, Евтушенко, Приставкиным и другими поддержал писательскую ассоциацию “Апрель”, активно ратовавшую за “демократические реформы”. Когда было выгодно хвалить власть – славил, когда стало выгодней ругать – “прозрел”.

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) вряд ли нуждается в особом представлении. В Тарусе сохранился дом, где он жил и работал, где в том числе встречалась редколлегия альманаха (помимо дома Оттена). Несложно заметить, что по возрасту он был старше всех, и по известности, по совокупности сделанного в литературе тоже.

Аркадий Акимович Штейнберг (1907–1984) тоже жил тогда в Тарусе. Судьба драматическая, но его литературное имя заслуженно забыто. У него была за спиной война, как у Панченко. В сентябре 1944-го он стал комendantом освобождённого Бухареста по связям с гражданским населением, однако уже в октябре подвергся аресту. Антисоветская агитация и превышение власти при наличииотягчающих обстоятельств. Восемь лет заключения отбыл полностью. Штейнберг работал как переводчик зарубежной поэзии. Авторы и языки были самыми разными, от английского до китайского и вьетнамского. В “Тарусских страницах” была опубликована единственная прижизненная подборка стихотворений Штейнберга.

Наконец, нужно представить ещё одного человека, без которого “Тарусские страницы” вряд ли вышли бы в свет. Роман Яковлевич Левита (1929–2003) родился в Могилёве-Подольском на Украине. Местную школу он окончил в 1946-м с золотой медалью, поступил на экономический факультет Киевского государственного университета, откуда был отчислен с формулировкой “за низкопоклонничество перед Западом”. Учиться пришлось заочно, без права на общежитие. Понятно, непросто. В 1951-м он переехал в Калугу. В конце 1959 года был назначен главным редактором Калужского книжного издательства. Делил с Панченко один кабинет. Левита успел написать кандидатскую диссертацию по экономике, которая потом легла в основу монографии “Общественно-экономические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина”. Книга была издана в Калуге. Интересный и кропотливый, между прочим, труд, хотя в нём и отдано всё должное идеологическим требованиям времени.

После выхода “Тарусских страниц” Левите пришлось уйти. Начиная с 1960-х годов его работа была связана с созданием автоматизированных систем управления на предприятиях, он обосновался в Москве, прошёл путь от простого инженера до главного конструктора. Был одним из редакторов журнала “Экономическая наука в современной России”⁶.

Все участники “редколлегии” были людьми своей эпохи. Коммунистические идеалы не вызывали у них сомнений.

По воспоминаниям одной из участниц, писательницы Галины Корниловой, Панченко приехал вместе с Левитой к Паустовскому в Тарусу с предложением издать его книгу. Но автор “Золотой розы”, чуть подумав, неожиданно сказал: “Нет, лучше будет, если мы издадим сборник или альманах молодых писателей. У меня столько прекрасных рукописей”. В других её же воспоминаниях Левиту сменил Кобликов, но тот не был уполномочен вести переговоры, поскольку в издательстве ещё не работал⁷. Смешиваются разные события, разные визиты, но разговор идёт в обоих случаях об альманахе. Панченко усомнился, что калужское издательство будет печатать москвичей. “А вы посмотрите, сколько тут у нас тарусян”, – засмеялся Паустовский.

Литературовед, он же по совместительству социолог, наверно, отметит, что многие из этих “тарусян” еврейского происхождения. Так вышло потому, что всё определял круг общения, связей и знакомств, не целенаправленный отбор с умыслом и вовсе не стремление пригласить “замалчиваемых”.

Неясно, какие “прекрасные рукописи” – кроме прекрасных слов о них – были у Паустовского и кого он рекомендовал опубликовать. Прозаиков в альманахе не так густо. И та проза, если не брать незаконченную повесть Балтера, что вошла в “Тарусские страницы”, погоду не сделала...

Таким образом, идея была спонтанной и принадлежала Паустовскому. И это не означало жертвовать изданием своей книги в Калуге. В 1962-м Паустовский выпустил здесь сборник “Потерянные романы”, куда, кроме крупных произведений, были включены рассказы, очерки о писателях и пьеса

“Волшебник Орест”. Только что у него вышло в свет шеститомное собрание сочинений.

Составлением и редактурой альманаха Паустовский, как увидим дальше, занимался мало, если вообще занимался. Никакого внутреннего рецензирования произведений – обычной практики тех лет – не было. К участию приглашались только “свои”. Всё определяло знакомство, а вовсе не качество стихотворений, повестей или рассказов. Попустительство издательского руководства и партийных чиновников тоже сыграло свою роль.

Некоторые документы об издании “Тарусских страниц” сохранились в фонде Калужского областного книжного издательства Главиздата Министерства культуры РСФСР в Государственном архиве Калужской области (ГАКО). Кроме них, мы будем опираться на источники Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В запутанной истории “Тарусских страниц” они помогут расставить некоторые акценты. Тем более что раньше эти документы не использовались.

“Паусту было на всё наплевать...”

Вначале был план. Список имён и тем. Как и предполагалось, районное партийное руководство вникать в литературные дела не стало.

19 января 1961 года Николай Оттен отстучал Роману Левите на машинке письмо, сообщая, что Тарусский райком партии одобрил примерное содержание сборника (проспект) и перешлёт его в издательство⁸.

Проспект извещал, что в книгу войдут повести, рассказы, поэмы, стихи, очерки писателей, живущих в Тарусе или посвящавших ей свои произведения. В отделе художественной прозы будут опубликованы новые рассказы Константина Паустовского, Николая Богданова и Юрия Казакова, рассказ Льва Кривенко “Ока”, историческая повесть Бориса Балтера “О чём молчат камни” о енисейских казаках, киноповесть Александра Гладкова и Николая Оттена “Бумажные цветы” (как было сказано в проспекте, “о девушках-текстильщицах наших дней, их работе и любви”).

Вместо упоминаемой повести Балтера в альманах вошло другое произведение. Нет ещё рассказа “Однажды душевной ночью” Юрия Трифонова, нет повести “Мы обживаем землю” Владимира Максимова, рассказа “Подвиг” уже к тому времени ушедшего Юрия Крымова. Не упомянуты третьестепенные авторы: Фёдор Пудалов, Фрида Вигдорова (известна тем, что записала ход судебного процесса над Бродским, больше, пожалуй, ничем), редактор издательства Владимир Кобликов. Заявленный драматург и писатель Николай Богданов, живший в Тарусе, в дальнейшем почему-то выпал...

Из поэтов упомянуты Евгений Винокуров, Наум Коржавин, Владимир Корнилов, Пётр Семенин, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Аркадий Штейнберг. Опубликованы были все. Потом добавились Андрей Досталь и Николай Панченко (как не напечатать себя, любимого!). В проспекте был отмечен цикл стихотворений Николая Заболоцкого, который предполагается опубликовать впервые, но ещё нет ни слова о Марине Цветаевой. Её большая подборка – 42 стихотворения – увидела свет со вступительным словом Всеволода Иванова.

Раздел культуры и публицистики совсем скромнен: статьи о Тарусе в живописи, о Поленове и Борисове-Мусатове. “Отдел “Таруса сегодня и завтра” познакомит читателя с делами и людьми строительства коммунизма”, – гласил проспект. Добавятся воспоминания, заметки и статьи о Станиславском и Мейерхольде драматурга Александра Гладкова и театроведа Александра Февральского. Под псевдонимом Н. Яковлева будут опубликованы две статьи Надежды Мандельштам.

Содержание альманаха согласовывалось поначалу в Тарусском райкоме КПСС.

Директором Калужского книжного издательства был тогда Алексей Фёдорович Сладков. В 1958-м у него вышла здесь брошюра “Будни сельского совета”, в 1961-м – “Работать и жить по-коммунистически” о бригадах, ударниках и коллективах, отличившихся в труде. Обычная, востребованная в то время заурядная журналистика. Биографических сведений об этом человеке пока, увы, немного.

Сладков не возражал против издания. Тем более что вскоре открылась возможность включить альманах в план выпуска: по заказу Главлита – Главного управления по делам литературы и издательств – Калуга должна была подготовить “Избранное” Марка Твена, но американского писателя заменили потом на Эммануила Казакевича, однако и того по какой-то причине не стали издавать. Этим обстоятельством и воспользовались Левита и Сладков, поддержавший его. Летом 1961 года они сумели добиться от Главлита разрешения на выпуск альманаха тиражом 75 000 экземпляров

В марте редколлегия (то есть Оттен) акцентировала внимание на региональном характере сборника (“объединить произведения писателей, живущих в Тарусе, связанных с нею...” и т. п.). Но теперь издатель не то чтобы игнорирует эту региональную концепцию. Она расширяется в письме в Главлит до всей области, представляя равноценной заменой американскому и советскому авторам. Во всяком случае, с содержательной стороны сборник не вызывает опасений. Он увеличивается в объёме с 20–22 до 26 листов.

Интересно то, как в Главлите поняли содержание сборника: он посвящён Тарусе и Тарусскому району, милый региональный альманах о родном крае с участием столичных писателей. Что может быть прекраснее!

Московский чиновник дал зелёный свет. Но местный мог остановить движение. В ход пошёл обман.

В “Простом романсе сверчка” Рудольф Панфёров повторяет поздние признания Панченко, что “бдительную цензуру обошли хитроумным способом: давали читать разным цензорам, поскольку те работали посменно, так что у них не сложилось сколько-нибудь цельного представления о содержании альманаха. А вообще-то им это было и не нужно, по инструкции они отвечали за охрану государственных тайн в печати, а не за идейную направленность”. Тут небольшая неточность слова. За “идейную направленность” отвечали. Не отвечали за художественное качество. Другое дело, что одно нередко перетекает в другое, и при желании небрежный рассказ, стихотворение, повесть можно трактовать – в зависимости от содержания и собственного желания – как идейно порочное произведение.

Под “бдительным цензором” имеется в виду калужский областной Обллит и его начальник Геннадий Овчинников. Как указывал в декабре 1961 года в своём письме в Бюро ЦК КПСС по РСФСР П. К. Романов, “т. Овчинников сообщил, что калужский Обллит, куда поступил на контроль сборник “Тарусские страницы”, считал выпуск его в таком виде нежелательным. Об этом Обллит письменно доложил обкому КПСС...”⁹. Обком провёл совещание, привлёк к участию калужских литераторов, но под нажимом Паустовского с его связями уступил.

Последнее слово было за секретарём Калужского обкома КПСС по идеологии Алексеем Константиновичем Сургаковым. Если доверять свидетельству Панченко, он продержал у себя рукопись только три часа, причём понимал, что готовится “некий литературный подвох”, не представляющий, однако, идеологической опасности. Панченко принёс ему рукопись и получил её назад без замечаний.

Просматривая документы архивного фонда Калужского книжного издательства, обращаю внимание, что с августа 1961 года в копиях писем авторам появляется фамилия Кобликова, работающего в качестве редактора. Раньше не встречалась. Решил посмотреть, когда альманах был сдан в набор. Дата на самой последней странице в технических данных почему-то совершенно не удивила: 24 июля. (Подписан в печать сборник был 14 октября, это тоже важная дата, но она знаменует техническую готовность типографских работ.) Итак, уйдя от Сургакова и сдав альманах, Панченко быстро уволился и уехал в Москву. Это вряд ли совпадение, скорее похоже на расчёт. Когда вокруг “Тарусских страниц” поднялся шум, поэт вышел сухим из воды. Отдувались другие, Левита и Сладков. С Кобликова же взятки были гладки: он был членом редколлегии, но за выпуск и подготовку, не будучи тогда в штате издательства, не отвечал.

“Мы решили пригласить тех, без кого сейчас не может больше существовать литература, кого она давно ждёт, но журналы Кожевникова, Софронова, Кочетова не пускают этих людей”, – вспоминал Панченко¹⁰. Имеются в виду “Знамя”, “Огонёк”, “Октябрь”. Это оправдание выдуманно, чтобы показать хоть какой-то принцип отбора, но тут почему-то забыты “Новый мир”, куда

обращался Окуджаву, и “Юность”, где отклонили повесть Владимира Максимова. На деле же альманах, как я уже говорил, собирался по принципу тусовки. Кто с кем дружил, тот того и пригласил. Единой художественной концепции, которая определяла бы отбор и содержание, единой стратегии не было.

Интересное письмо Николая Оттена сохранилось в архиве А. К. Гладкова в РГАЛИ, оно было отправлено за неделю до выхода альманаха в свет. На нём стоит дата 4 октября 1961 года. Отсюда мы можем почерпнуть некоторые свидетельства, как двигалась работа. Сейчас имя Гладкова, уже упоминавшееся, не слишком известно. Напомню, что в своё время по его пьесе “Давным-давно” Эльдаром Рязановым был снят фильм “Гусарская баллада”. Его-то наверняка видели все. Гладков – автор исследований о Мейерхольде.

Вначале Оттен сообщает о ссоре с Балтером. Что именно произошло, неизвестно. В рассказах доживших до “горбостройки” участников “Тарусских страниц” редколлегия альманаха предстаёт дружным коллективом, ратующим за благородное дело. Впрочем, из-за чего и как поссорился Николай Давидович с Борисом Исааковичем, интересуем нас постольку поскольку.

“Дело в том, что в такой маленькой группе, как организаторы этого сборника, – отпечатал Оттен горестное признание на машинке, – не было никакой возможности договориться. Решительно никакой. Балтер руководствовался групповыми, приятельскими отношениями и своим невысоким вкусом, Паусту было на всё наплевать, иначе он не сунул бы в сборник халтурную статью, опубликованную в “Сельской жизни”, и не дал бы на перепечатку уже опубликованное старьё” (речь идёт о предисловии “Пауста” к сборнику Бунина “Повести. Рассказы. Воспоминания”, который вышел в 1961-м в издательстве “Московский рабочий”; получить гонорар в двух разных местах – поди плохо! – **В. Б.**). “Татьяна Алексеевна плела свою интригу, не имеющую к литературе никакого касательства, – продолжал Оттен. – О чём и как с ними можно было договариваться? И что можно было сделать с калужской частью сборника – Панченко, Кобликовым и Досталем? Причём первые два – люди ещё хорошие и талантливые, но отбирать (произведения для публикации. – **В. Б.**) ведь у них дано не было!”¹¹

Характеристика участия Паустовского в сборнике, что и говорить, красноречива. И, кажется, верна. Он готовил собственную книгу. Слова Панченко и Левиты о том, что Паустовский принимал самое деятельное участие в подготовке “Тарусских страниц” (их воспоминания опубликованы в третьем выпуске альманаха, который вышел в 2011-м), мягко говоря, не совсем точны. Составительская работа шла, как в басне про Лебедея, Рака и Щуку. В “Тарусские страницы” литературный мэтр дал довольно слабые статьи “Городок на реке” и “Новое рождение слова”. Последняя и вовсе занимала половину страницы. Что именно уже появилось в газете “Сельская жизнь”, нужно выяснить, однако это сейчас непринципально. Паустовский подключался, когда требовалось пробивать сборник. Татьяна Алексеевна, упомянутая в письме, – его третья жена, в прошлом супруга драматурга Алексея Арбузова.

Оттен недоволен, что в отбор вмешались Панченко и Кобликов (члены редколлегии, между прочим), да ещё “плохой” и “бездарный” Досталь. Балтер тоже повёл какую-то свою игру. Составителю Оттену приходилось считаться и уступать другим “составителям”, каждый из которых тянул воз в свою сторону. С Паустовским не поспоришь, пришлось смириться с его “опубликованным старьём”. Раздел “Публикации”, где появились статьи о художниках В. Д. Поленове, В. Е. Борисове-Мусатове, о К. С. Станиславском, В. Э. Мейерхольде и другие, собрал один Оттен, других он не интересовал. Сюда же вошла статья Оттена о Юрии Крымове и его рассказ “Подвиг”, а также подборки Заболоцкого и Цветаевой (с предисловием Всеволода Иванова).

Однако именно повесть Балтера “Трое из одного города”, на тот момент незавершенная, здорово выручила альманах. (Автор потом сменил название на “До свидания, мальчики”.) Будь Оттен полновластным составителем, он бы её, конечно, исключил.

Дальше заходит разговор о киноповести “Бумажные цветы”, написанной совместно с Гладковым. У Оттена было два мотива поместить её в альманах: нехватка денег и требование издательства (Сладкова).

“А что касается “Бумажных цветов”, то дело тут не только в проклятом безденежье (хотя и не без этого). Киноповесть несла определённую тематическую нагрузку в сборнике, заполняла ту рубрику, которую обязательно ставило

издательство. И хотя это произведение мне сегодня не по душе и я бы его переписал заново, ничего зазорного, по отзывам, в нём нет. И ещё: я ведь, как и вы, долго не верил, что сборник состоится, и потому не делал для него ничего специально, и право же, если б я сам относился к собственной затее серьёзнее на первых порах (а “первая пора” заняла три четверти времени), то поверьте, что у меня в закромах есть пища для читателя попитательней, чем “Бумажные цветы”, но это требовало работы, а для неё уже не было срока...”¹²

В альманахе упомянутая киноповесть была опубликована без особой рубрики.

Затем Оттен снова возвращается к ссоре с Балтером, называя его “учеником и соратником” литературоведа Якова Эльсберга (Шапирштейна). “...Это литературное направление всегда меня пугало”. Далее следуют “выводы”:

“Вот оказывается, что группа интеллигентов в маленьком городке Тарусе не может собрать скромный сборник, не переругавшись, избавившись от крыла Эльсберга, и будучи вынужденной на всякие и всяческие компромиссы в художественном качестве! Боже, до чего же мы все разобщены!”

Признание развеивает тот романтический флёр, который напустил в своих воспоминаниях “Всё ещё впереди” Окуджава. Они посвящены знакомству с Паустовским. “Выпиваем, закусываем, ну, как водится (в гостях у классика в Тарусе, обсуждая будущий сборник. — В. Б.). Я новичок, я помалкиваю. За окнами яркое солнце. Альманах как альманах. Всё хорошо. Но воздух насыщен чем-то непривычным, особенным, чем-то тревожным. Как будто какая-то неясная опасность окружает нас, хотя мы и смеёмся, и даже похохотываем, и как будто ничего не опасаемся. Люди, пришедшие со мной из тех времён, меня поймут...”¹³ Далее ещё что-то параноидальное: “Я начинаю ощущать какие-то тайные сигналы”. Оказывается, Паустовскому нужно оторваться от жены, при которой он пьёт только “боржом”... “Могучая кучка” тут может показаться сплочённой командой единомышленников. Но идиллического единства между составителями не было.

Описывая приезд к Паустовскому, Окуджава упоминает Панченко и Кобликова, четвёртый собутыльник — Балтер. Оттена, “главного составителя”, нет. Соседи-литераторы живут друг с другом, как кошка с собакой.

Николай Оттен и Ариадна Эфрон составили каждый свою подборку Цветаевой. Так и не смогли договориться, какую публиковать. Дошло до ссоры. К счастью, у Панченко было в тот день хорошее настроение. “И я спросил Алю, — вспоминал он, — разве Николай Давидович отобрал плохие стихи? — У мамы нет плохих стихов!” — резко ответила она”. Тогда автор “Лирического наступления” принял соломоново решение: поставить обе подборки¹⁴. Публикация “опальной” поэтессы не была каким-то особым литературным прорывом: в 1961 году вышел в свет её посмертный сборник “Избранное”, составленный и подготовленный Вл. Орловым. Однако стихи не повторялись и, какими бы они ни были, представляли собой в то же время неизвестное наследие поэтессы, достойное внимания.

“Очень интересуюсь, что говорят о “Тарусских страницах”, — пишет Оттен дальше в письме Александру Гладкову. — Счёл нужным предупредить издательство, что отзывы будут разные — и положительные, и обязательно отрицательный в “ЛиЖи” (в газете “Литература и жизнь”. — В. Б.). Сделал это потому, что убедился, что Балтер не с чистыми намерениями обещал изд<ательств>ву хвалебный отзыв в Литгаз<ете> не позднее 28.Х. и, не получив обещанное и прочтя ругню в “ЛиЖи”, они могли остановить печатание. А раз грома среди ясного неба не будет, то всё обойдётся. Пока тираж печатают четыре машины, и 21.ХI он должен быть уже в Москве, если Левита не врёт (а на этот раз, кажется, не врёт)”¹⁵.

Здесь идёт речь в том числе об откликах, которые могли бы появиться об альманахе ещё до его выхода. О тех, что будут после, поговорим дальше. Что же касается “вранья” Левиты, речь полагаю, не только о доставке в столицу, но также о гонорарных выплатах, которые обещались и оттягивались. Отчасти намёк на это есть в уже приведённом ранее письме Оттена к Левите от 23 июля. Но там сценарист учтив и деловит.

Участие в сборнике обещало, кроме того, и деньги. Страдальцы и борцы за литературную свободу сполна получили своё утешение. Они в 1990-х годах и представить себе не могли, как это можно — печататься без гонорара.

Горю о заниженном тираже, попробовали бы они сегодня что-то издать в 30 тысяч экземпляров!

Деньги каждому участнику должны были высылаться почтовым переводом. Гладкову, судя по письмам, их пересылал Оттен. В архиве Калужского книжного издательства мне встретился черновой документ, озаглавленный “Сальдо по счёту”. Это не гонорарная ведомость. Это просто список фамилий столбиком, и напротив каждой – группа цифр. Сначала две или три – рубли, затем копейки. Последняя группа всегда двузначна.

Больше всех получил Паустовский: 236 рублей и 79 копеек. Окуджава – 89 рублей и 11 копеек. Юрий Трифонов – 113 рублей и 20 копеек (всего за полторы страницы текста – странно много). Странно мало Максимов – 12 рублей 27 копеек, и Слуцкий – 3 рубля и 22 копейки (тогда как Коржавин за подборку стихотворений того же объёма – 33 рубля и 96 копеек). Странно много Фрида Вигдорова за два очерка – 120 рублей и 7 копеек. Юрий Казаков за три рассказа – 64 рубля и 53 копейки¹⁶. Возможно, это некая черновая ведомость. Возможно, особенности распила: этому побольше, а этот и так обойдётся. Но в любом случае гонорары авторам выплачивались. Это обстоятельство делает некорректными сравнения “Тарусских страниц” с “Метрополем” или самиздатовскими журналами, где можно было публиковаться разве за идею.

Ещё характерная особенность: для участия в “Тарусских страницах” не был приглашён ни один калужский автор. Их намеренно оттёрли. Это было принципиальным условием составителей, которые, однако, себя любимых опубликовали.

Первая “бомба”

23 декабря 1961 года в калужской областной газете “Знамя” появился отклик на “Тарусские страницы”. Он начинался подробным и разгромным разбором повести Владимира Максимова “Мы обживаем землю” и поэмы Корнилова “Шофёр”. Авторами были преподаватели педагогического института Н. Кучеровский и Н. Карпов.

“В повести (поэме. – В. Б.) В. Корнилова по существу дискредитируется моральный облик покорителей целины, чьи горячие сердца и золотые руки дали родной стране миллиарды пудов хлеба”, – писали критики¹⁷. “Шофёр” будет позиционироваться как образец “грубого натурализма”. Это, конечно, не лакировочный фильм “Иван Бровкин на целине”, снятый чуть раньше, в 1958-м. Но такое впечатление, что никто из чиновников и критиков не дочитал “Шофёра” до конца. Осознание общей победы над степью помогает герою преодолеть душевный разлад. Минув год, и стало “невпроворот зерна”, колонны машин везут его одна за другой, и целинник рад, что в этом есть доля и его труда...

Да, победа. Но есть нечто, что пафосными лозунгами не преодолено, и преодолимо ли в принципе – большой вопрос: фатальный трагический разлад между людьми. В конечном счёте, им требуется не общее, но и личное счастье, и тогда необходим ответ на вопрос, что же такое счастье, на вопрос об экзистенциальной сущности человека. Перед читателем поэмы он открыт. У каждого человека своё понимание счастья, а собственное становление всегда требует мужества и суда совести. Но надежду даёт труд – как ни истасканно это звучит – ради достижения общечеловеческого благоденствия. Ради того (как это сказано у философа Алексея Лосева), чтобы “вырвать сорную траву в прекрасном саду человеческой жизни”. Поэтому совершенно не важно, какими мотивами руководствовался шофёр Корнилова, отправляясь на целину, важно, почему он там остался и не бросил работу. Мимо этого оба критика прошли.

Третьим, на чью голову опустилась кондовая критическая дубина, утяжелённая цитатой из Хрущёва по поводу задач, стоящих перед советским писателем, был Казаков. “Ни в одном из трёх рассказов Юрия Казакова нет ничего, что говорило бы о стремлении писателя объяснить первопричины тех уродливых явлений жизни, которые воплощены в центральных образах этого цикла рассказов. Авторская позиция сказывается в другом: в навязывании читателю ложных представлений о безотрадной жизни современной деревни, об извечности уродливых страстей и стремлений людей”¹⁸.

“Вкус хлеба”, с одной стороны, конечно, “изобличение мещанки”. Героиня получает телеграмму о смерти матери. Известие совершенно её не трогает. Через несколько месяцев она всё-таки вынуждена ехать в деревню, чтобы продать дом. И когда идёт на кладбище, когда видит могилу бабушки, рядом с которой легла и мать, вдруг падает наземь с истошным рёвом.

Здесь Казаков схватил, но, быть может, не до конца раскрыл глубинную онтологическую тему мистического родства и связи живущих и умерших. Именно на кладбище у главной героини пробуждается то подлинно человеческое, чего нельзя выразить словами, только звериным воем. Осознание тягостной боли этого разрыва... Но рана быстро затягивается, всё возвращается “на круги своя”. В самом деле — почему?

Опускать этот рассказ до сатиры — значит смотреть на него поверхностно. Тем не менее рассказ оставляет впечатление недоработанности. Его стоило бы, наверное, отложить, перечитать, переписать... В 1984-м, то есть на следующий год после смерти Казакова, в издательстве “Современник” вышел в свет его сборник “Осень в дубовых лесах”. В предисловии говорилось, что сюда включены лучшие рассказы писателя. Книгу редактировал Юрий Бондарев. “Хлеб” он не включил. А вот “В город” и “Ни стуку, ни грюку” вошли.

Эти рассказы пережили своё время.

Но...

“Жизнь в рассказах Ю. Казакова лишена одухотворённости, а люди — черт благородства. Собственнические, грубо эгоистические, чувственные, а то и просто зоологические инстинкты господствуют над помыслами и поступками людей”, и дальше в том же духе... Вывод критиков: “За внешней объективностью манеры повествования, заимствованной у классиков русского реалистического рассказа, скрывается в произведениях Ю. Казакова определённая тенденция — нарисовать жизнь современной деревни в тёмных тонах, подчеркнуть извечность и живучесть жестоких нравов в деревенской среде”¹⁹.

Что рассказ “В город” “актуален и отлично написан”, верно, и надо отдать должное редколлегии “Тарусских страниц”, отстоявшей Казакова. А вот то, что он “раскрывает психологию шабашника”, хорошо только для частного письма. Это односторонний подход. Главный герой Василий Каманин из деревни Моховатки должен отвезти жену в больницу. Он беспробудно пьёт, работать в колхозе не хочет, ругается с председателем, который не даёт ему лошадь, и, когда наконец-то надо отправляться в город, режет барана, чтобы там его продать и покутить. Конечно, он шкурник. Он заранее прикинул, что придётся делать, когда Акулина, ещё живая, умрёт... Правы рецензенты, жизнь тут нарисована в чёрных тонах. Но критики прошли мимо другого.

Больная Акулина выходит на крыльцо с узелком, куда собрала бельё, — вдруг нужно будет сменить в больнице. “Кое-как вскарабкавшись на телегу, она покрылась дождевиком и стала поджидать Василия, с тоской и любовью глядя на тёмные поля и реку внизу, оглядывая, будто прощаясь навсегда, свой дом и деревню”. Дальше, через несколько абзацев, когда они уже едут в город: “Она глядела и вспоминала всю свою жизнь в колхозе: и молодость, и замужество, и детей, любя всё это ещё сильнее и острее...” и т. д. Тот же мотив расставания, необратимого разрыва, что и в “Хлебе”, и то же трагическое столкновение двух начал, движущих людьми: эгоистической корысти и любви, и в нём заключается главный конфликт рассказа. Слово “любовь” повторяется дважды, когда уезжает Акулина. Оно связано только с ней. Да, Казаков показал “извечность и живучесть” inferнального начала, но вместе с тем показал и то, что ему противостоит, борется и будет сражаться всегда, покуда жив род человеческий на земле.

В рассказе “Ни стуку, ни грюку” двое парней вырвались в леса, где можно поохотиться и некоторое время отдохнуть в глуши. Дело происходит на Смоленщине. Один, совхозный электрик Серёга, из баловства стал ухаживать за местной девушкой, а та ответила ему серьёзным чувством. Серёгу избил деревенские парни... Но пересказывать сюжет дело не слишком благодарное. Любовь противопоставлена животной страсти к женщине. Трагическому разладу между людьми — гармония и одухотворённость природы. В ней всё имеет свой смысл: запахи подорожника, летящие куда-то скворцы, золотистая паутина. “Полыхали по горизонту зарницы, будто мигал и мигал им дух лесов и полей”. Оставим без внимания подробности и детали. Рассказу можно

посвятить отдельную статью. Критики настойчиво требуют авторского суда над героями. Но нужен ли он?

Полностью могу разделить негативную оценку рассказа Владимира Кобликова “Голубые слёзы” (“невнятно изложенная история”). И положительную – рассказа “Летний дождь с моря” Галины Корниловой. Это очень короткие произведения и погоды не делают.

К 1961 году у Юрия Трифонова вышел сборник рассказов и роман “Студенты”. В “Тарусские страницы” он дал маленькую зарисовку, которую трудно назвать рассказом. Наверно, у рецензентов не оставалось места, чтобы уделить немного внимания Окуджаве и действительно удачной повести Балтера “Трое из одного города”. Здесь можно вполне согласиться с теми добрыми словами, что сказал о ней спустя пару недель в “Литературной газете” Евгений Осетров.

Поэзия получила разные оценки, хотя об этом разделе сказано было вскользь. Итоговый вывод звучал, как удар кувалдой: “Читая “Тарусские страницы”, испытываешь ощущение неполноценности бытия, духовной ущербности персонажей. В целом этот сборник может быть дурным советчиком нашей молодёжи”. Все, кто над ним работал, не проявили должной ответственности и требовательности к авторам. Тут можно добавить – и не пытаться проявлять.

“Забвение принципов партийности в литературе, безыдейность, эстетски объективистский взгляд на жизнь, натуралистическое копирование отрицательных явлений действительности могут заслужить лишь справедливое осуждение со стороны нашей общественности”²⁰. Здесь, в последнем абзаце статьи “Во имя чего и для кого?”, обозначен ключевой подход, которым руководствовались критики. Принцип партийности предполагает поиск идей и тем, изображение сюжетов и характеров, которые раскрывали бы задачи, идеалы и цели, за которые боролась победившая в стране партия. Тарусская редколлегия стремилась под благодушным девизом Паустовского “дать дорогу молодым” обойти систему литературного контроля, и этот манёвр почувствовали авторы областной газеты, упиравшие на партийность. Но составители попали в другую ловушку: авторская свобода не гарантировала художественного качества, а критериев отбора, общего идейного стержня редколлегия для себя не определила.

Два почтенных мужа, честь и украшение Тарусы, соседи Оттен и Балтер не обзывали друг друга в лицо “гусаками”, не подпиливали друг у друга столбы хлева и не жаловались в суд. И к статье в “Литературке”, о которой пойдёт речь дальше, Балтер не имел никакого отношения, хотя Оттен был убеждён, что тут без него не обошлось. В письме Александру Гладкову (1962) без даты он жаловался: “А в “Литгазете” Балтер сосватал своего дружка Осетрова, и как уж ему на этом не свести со мной счёты?”²¹ Составитель альманаха и тут смотрел узко, закливая внимание на себе. Всё было сложнее.

“С бору по сосенке”

В советские годы выходила замечательная серия – “Библиотека “Любителям российской словесности”. Я собирал её. В ней у Евгения Осетрова вышли две книги: “Мир Игоревой песни” о русском эпосе и “Три жизни Карамзина”. Он был опытным критиком и литературоведом и писал много.

Прежде чем статья Евгения Осетрова появилась в “Литературной газете”, редколлегия провела подробное обсуждение альманаха. Сохранилась его стенограмма. Тогда, в конце декабря 1961 года было высказано немало интересных суждений о поэзии и прозе “Тарусских страниц”. Я приведу их дословно, как прямую речь выступавших, не сохраняя абзацев, расставленных при расшифровке разговора, когда готовилась машинопись.

Первым выступил тогдашний заведующий отделом литературы “Литгазеты” Феликс Кузнецов. Это он назвал в качестве возможного автора Евгения Осетрова, предложив отозваться на выход “Тарусских страниц” статьёй. Критик тогда работал в “Правде”:

– Задача наша заключается в том, чтобы спокойно, объективно разобраться в этой сложной вещи, где очень много удачного и менее удачного, и сказать читателю об этом сборнике, что здесь хорошего, а что не получилось – доказательно покритиковать... Сейчас такое время, когда стоит по-хозяйски окинуть

взором наши кладовые культурных богатств, и то, что может служить народу, должно служить. С этой точки зрения сборник полезен. Что здесь интересного, в этом сборнике? Во-первых, главы из книги “Золотая роза” Паустовского, большой материал о Мейерхольде, новые материалы о хороших наших художниках, публикация о Цветаевой. Очень большой материал, который можно отнести к нашему культурному наследию. Об этом стоит поговорить в статье.

Феликс Кузнецов рассуждал дальше о том, что для критического разбора потребуется особая точность, говорил о Бунине (замечательный писатель, да жаль, не упомянуто, что умер в эмиграции). Наиболее яркое произведение, по его мнению, — повесть Бориса Балтера “Трое из одного города”.

— Это большая удача молодого писателя. Об этом стоит сказать в полный голос. Она написана очень чисто, светло, очень привлекают герои. Он нашёл здесь таких героев, каких очень не хватает нашей современной сегодняшней литературе. Это те самые лобастые мальчики революции, о которых так хорошо было сказано в нашей довоенной литературе... Очень точно передана атмосфера того времени, нравов, облик тех юношей, молодых ребят, которые шли на войну.

Феликс Кузнецов отметил, что у него сложилось в целом положительное отношение к повести Владимира Максимова. В её излишней трагичности он усмотрел элемент нехорошей “литературщины”. Тем не менее начинающему автору удалось раскрыть глубину души своих героев и показать, как суровые испытания высветлили их. “В целом повесть, несмотря на свою внешнюю трагичность, нагнетание, оставляет светлое впечатление. Хорош герой повести, такой паренёк, который не имеет веры в жизнь; через трудные испытания в дальнейшем приходит к отрицанию своего прежнего существования”.

Самые спорные произведения — рассказы Юрия Казакова и повесть Булата Окуджавы.

— Рассказы Казакова неровные. Здесь есть один рассказ, который несёт на себе печать очень тяжёлых неудач Казакова. Я имею в виду рассказ “В город”. Этот рассказ очень натуралистичен. Человек с животными инстинктами... Рассказ направлен на то, что ещё осталось от старой деревни... Его рассказ “Ни стуку, ни гроку” тоже очень сложный. Но здесь образ этого парня омерзителен для автора. А в рассказе “В город” позиция автора недостаточно прояснена. Что же касается рассказа “Запах хлеба”, то этот рассказ мне понравился. Повесть Окуджавы. Спорность её происходит от героя повести — семнадцатилетний мальчишка, который пошёл на войну. Мальчик очень зелёный. Его уровень гражданского самосознания очень маленький, его восприятие войны чисто детское, интуитивное, младенческое. Такой герой имеет право на существование, и немало таких юношей, которые совершенно не сталкивались с жизнью, пошли на войну и там получили боевое крещение... Здесь я имею в виду две вещи. Позицию автора по отношению к этому герою. Иногда возникает такое ощущение, что автор не в состоянии возвыситься над своим героем и дать оценку ему, необязательно в лоб. Эта оценка может прийти в результате сопоставления с другими характерами. Но в повести отсутствует широта изображения войны. Если бы в этой повести наряду с этим героем были бы те самые мальчики, которые действуют у Балтера, если бы и эти герои вошли в повесть Окуджавы, то они своим присутствием дали бы правильное соотношение. Но в повести, по сути дела, один этот герой.

Феликс Кузнецов подходит к повести с позиций художественного метода. Читая “Школяра”, ловишь себя на мысли, что, если не глядя перелистнёшь несколько страниц и заново начнёшь с незнакомого места, ничего не потеряешь. Здесь действительно нет и попытки возвыситься над героем, осмыслить характер, показав его с разных сторон, в динамике, в сопоставлении с прошлым, нет никакой широты изображения — одна голая “исповедальность”, которая сама по себе вовсе не достоинство. Взять для сравнения пару других произведений, написанных примерно в то же время, хотя бы “Последние залпы” Юрия Бондарева (1959), где, кстати, тоже звучит мотив бесславной гибели на войне, и “Танки идут ромбом” Анатолия Ананьева (1963), и художественный уровень “Школяра” станет очевиден...

Все очерки ключевого первого раздела “Тарусских страниц”, столь тщательно проработанные в письмах в Тарусский райком и само издательство, Феликс Кузнецов признал слабыми, за исключением одного — Фриды Вигдоровой.

– Если бы очерковый материал был наполнен жизнью и был бы на высоком художественном уровне, это более тесно приблизило бы сборник к нашим сегодняшним дням и это изменило бы то соотношение, которое сейчас есть. А именно: большой и яркий материал прошлого перевешивает те вещи, которые говорят о сегодняшнем дне. Писать об этом сборнике нужно спокойно, с тем, чтобы не было ощущения нездоровой сенсации, но нужно писать чётко, не утаивая вещей, которые не получились или получились не очень хорошо.

Тот же вывод делали и калужские критики: “Большинство же очерков написано в информационном стиле и небрежно. В очерках нет ни чёткого осмысления темы, ни глубины раскрытия психологии людей, ни типических обобщений, ни публицистической страстности, ни языкового мастерства”. В разделе нет имён мастеров документального жанра, таких как Глеб Горышин, Владимир Чивилихин, Иван Соколов-Микитов или других писателей того же уровня, и сам Паустовский тут не блеснул.

Следующим выступил прозаик и критик Владимир Лакшин. Он признался, что ожидал от сборника чего-то необычайного или в хорошем, или в дурном смысле. Что у него было предвкушение большого события и в то же время некоторой настороженности: может быть, авторов сборника придётся “разгромить”. Дальше последовало живописное и точное, на мой взгляд, сравнение: “Я могу себя уподобить человеку, который ожидал увидеть грибника или с корзиной поганок, или с корзиной боровиков. Но человек несёт корзину, наполненную всякими грибами и, к сожалению, в ней есть и мухоморы...”

Из двенадцати представленных поэтов самым сильным ему показался покойный Заболоцкий. В его лирике, отметил Лакшин, есть совершенно тютчевские стихи, например, “Воспоминание” (“Наступили месяцы дремоты... / То ли жизнь, действительно, прошла”). Интересна и Цветаева. Но здесь она была, по его мнению, представлена менее сильными стихами по сравнению со сборником, который вышел в том же 1961 году вместе с “Тарусскими страницами” (упомянутое выше “Избранное”).

– Если бы на одном полюсе я поместил Заболоцкого, то на другом – Достая. Это та пошлятинка, которая для сборника в целом и для других авторов стихов не характерна, а эта бьёт в нос.

“Шофёр” Корнилова и подборка Штейнберга, отметил Лакшин, – где-то посередине между двумя полюсами. Штейнберг представился ему поэтом с хорошей поэтической культурой, “но стихи его, в частности, “Болховское”, не потрясают новизной”. Они утомительны и длинны. Поэма Корнилова добротна и интересно сделана, “поэт этот безусловно талантливый, я впервые с ним познакомился”. “Если говорить об идейном смысле этой поэмы, то, хотя здесь много каких-то не совсем радужных картин, в целом её звучание оптимистическое”. Недаром это произведение открывает сборник сразу за очерками.

Очень разочаровал Евгений Винокуров.

– Поэт не захватывает то, что по одарённости своей хотелось бы, чтобы он захватил, хотя с точки зрения мастерства это великолепные стихи, – отметил Лакшин и продолжил: – Очень разумные стихи у Коржавина, Самойлова, Слуцкого. Есть стихи туманные, субъективно личные, которые до читателя не доходят. У Коржавина мне нравится “Песня, которой тысяча лет” и “Ни трудом и ни доблестью”, а там, где он говорит об отношениях со своей любимой, мне это у него не нравится (“У меня любимую украли”. – В. Б.). У Слуцкого есть замечательные стихи. Я бы отнёс к ним цикл “Старики”. Мне нравятся стихи “За ношение орденов” и “Рассказ солдата”. Творческий метод кажется мне субъективным. Некоторые стихи кажутся не очень выразительными, тяжёлыми и самому принципу этого поэта враждебными. У Самойлова есть очень хорошие стихи: “Заболоцкий в Тарусе” и “Чайная”.

Активно не понравились Лакшину стихи Панченко. Он назвал их серьёзной неудачей. В них мало благородных чувств, которые, по его словам, всегда возникают в произведениях о войне. Он указал на то место, где шла речь об изнасиловании девушки власовской ротой (в цикле “Обелиски”: “Девчонка парикмахершей работала. / Девчонку изнасиловала рота. / Ей в рот портянки потные свали...” и т. д.). Соглашусь, оно действительно грубое, прозаически жестокое, без лексических изысков, способных его смягчить. Но можно возразить: это нужно, чтобы показать святость, если уместно здесь такое слово, последующего, столь же звериного возмездия,

и относительность моральных норм, когда люди втянуты в войну. Но об этом стихотворении можно спорить без конца и к единому мнению не прийти.

Затем взял слово Владимир Солоухин. Он предложил не обсуждать каждого поэта или прозаика по отдельности. Подтвердил, что Евгений Осетров — очень подходящий автор для критической статьи. Газета не даёт обзоров провинциальных альманахов, и этот случай в своём роде будет из ряда вон выходящим. Надо объяснить, почему газета обратила на него внимание, она не говорит о десятках других сборников, которые выходят в разных городах и в Москве. А что хорошо и что плохо, разберётся Осетров.

Критик Георгий Радов засомневался, надо ли вообще откликаться:

— В литературных кругах говорили, что это будет из ряда вон выходящее событие. Другие говорили, что это подозрительно, что там будут собраны “левые” произведения, вытасченные из сундуков, с глубоким подтекстом. Я прочитал сборник и решил, что Паустовский допустил ошибку. Нужно было бы им собраться и сказать: “Братцы, у нас не получилось”. Он начисто удалён от современности... Была сделана неудачная попытка приблизить к современности, но это всё плохо. На каком-то среднем районном уровне. И когда это рядом с Заболоцким, Цветаевой и Паустовским, это звучит невероятно. Во имя чего издана эта книга? Если во имя того, что жили такие-то писатели, и надо их издать, это не повод. Есть две-три вещи, заслуживающие внимания. Повесть Балтера — это подарок читателю, но ради одной повести вряд ли стоит публиковать статью.

Георгий Радов отметил стихи Заболоцкого, назвав их отличными. Стихи Цветаевой “блёлые” по сравнению с теми, что вошли в недавний сборник Гослитиздата. Очерки из “Золотой розы” Паустовского продолжают то, что уже было напечатано.

— Выход сборника не явился событием в литературе. Ничего нового он не сказал, кроме одной хорошей повести, которая, кстати, не закончена... Печатать большую статью только потому, что там имя Паустовского и других, нет смысла. Всё это очень пёстро. Нельзя найти внутреннего стержня, на который всё это нанизано.

Очень точные, на мой взгляд, слова.

Радов предложил откликнуться лишь на отдельные произведения. Рецензирования заслужили только повести Балтера и Окуджавы. Может, ещё и Максимова. Всё. Главное — не превращать выход “Тарусских страниц” в литературный бум.

В разговор вступил Виктор Болховитинов — публицист, в разные годы работавший редактором журналов “Техника — молодёжи”, “Юный техник”, “Наука и жизнь”. Его оценка была прямо противоположна той, которую высказал Георгий Радов.

— Если отбросить какие-то просчёты, всё-таки здорово сбит сборник. Сколько удивительных вещей выдвинуто здесь: неизвестное Заболоцкого, неизвестное Цветаевой... Современности здесь нет, это правда. Новые имена, страшно много новых имён!

Он отнёс к ним Панченко, Коржавина, добавив, что отмалчиваться на выход было бы неправильно. А бум, хотим мы того или нет, уже получился. Книгу нужно оценить именно как сборник. И пусть никто не обижается.

Выступивший следом главный редактор “Литературной газеты” Валерий Косолапов высказал опасение, что сборник возьмут за образец и — давай их “ляпать” один за другим. Болховитинов возразил:

— Нужно сказать об этом сборнике, не задыхаясь от восторга, спокойно.

Снова взял слово Георгий Радов:

— Если мы выдвинем это для рецензии как сборник, мы должны предъявить к нему серьёзные претензии, а он их не выдержит. Разве это такое событие, какое нужно замечать?

К спору присоединился прозаик Георгий Гулиа:

— Выход сборника и то отношение, которое к нему предъявил читатель, — довольно интересный литературный факт. Можно и отмахнуться... Если “раздолбать” этот сборник, то не останется от него ни рожек, ни ножек, и, как только вы предъявите эту статью, Георгий Георгиевич Радов скажет: “Где стержень этого сборника, где современность? Таруса — это сельскохозяйственный район, а где сельское хозяйство, где промышленность, где большие задачи международной политики, где та большая жизнь, которая идёт сейчас по стране?”

Гулиа отметил, что в книге прекрасная проза, не назвав авторов. Если она плоха, где лучше? Стихи представлены разные. Можно посмотреть на альманах по-всякому и написать что угодно, поскольку сборник даёт к тому все основания: “он разнокалиберный”. Гулиа поддержал предложение Радова проанализировать несколько отдельных повестей.

Встал вопрос, разбирать ли Окуджаву, ведь он сотрудник газеты. Автор “Школяра” тогда хорошо пристроился в “Литературке”, работа не бей лежачего: отсеивать стихи графоманов, и то, что покажется пригодным для публикации, представить на утверждение редколлегии. Косолапов заметил: “То, что он штатный работник, не ограждает его от критики”. Гулиа повторил предложение сделать разбор отдельных произведений. После него выступил Юрий Бондарев.

— Я придерживаюсь такой точки зрения, что “Тарусские страницы” полностью нам рецензировать не надо. Здесь правы те, которые говорили, что грандиозным событием этот сборник не стал. Он мог бы стать, но не стал по той причине, что он слишком “сборен”, слишком разен, слишком пёстр. Если по-серьёзному писать об этом, нужно пять полос. Нам нужно сделать так. В этом сборнике есть отличная повесть Балтера, хотя незаконченная, это первая часть. Отличная по той великолепной атмосфере молодости, романтичности довоенной молодёжи. Здесь всё просто, как сама жизнь... Я не знаю, как быть в отношении Окуджавы. Мы должны это решить. Если закрыть глаза на то, что он работник редакции, эту повесть надо рецензировать. Здесь нужно сделать выборочное рецензирование. Поэму Корнилова я бы, например, разобрал. Это интересная поэма. Нам нужно взять Балтера, Корнилова, Окуджаву и разобрать их. Иначе мы начнём возиться вокруг этого сборника и хвататься за голову, а это нас в дебри заведёт. Поддерживаю предложение Георгия Георгиевича Радова.

Публицист и писатель Борис Абрамович Галин признался, что не читал сборник, но счёл необходимым заметить: в литературных кругах не привыкли к новизне, а в выходе сборника “есть какая-то новизна”. Заключается она в том, что “где-то в Калуге благодаря крупному писателю типа Паустовского объединяется молодёжь и немолодёжь, и что-то выходит”. Разбирать нужно отдельные удачные вещи.

Феликс Кузнецов возразил, что сборник появился чисто случайно. Пока он готовился, подошла дата съезда. Так совпало.

Следом взял слово редактор отдела искусств “Литературной газеты” Евгений Данилович Сурков.

— Я знаю, сколько об этой книге говорят, как её читают. Что же, нам делать вид, что этого ничего нет? Мне хочется, чтобы правда о ней была сказана разумно, спокойно, и в тех случаях, когда она должна быть сказана, остро. А если нужно сказать что-то хорошее, нужно сказать это хорошее. В сборнике много хорошего, и о нём надо говорить.

Он призвал занять разумную позицию по отношению к альманаху. Взвешивая слово Косолапов поддержал мнение Бориса Галина, что сам факт выхода сборника несёт в себе определённую новизну, когда инициатива собирания литературных сил принадлежит известному писателю. А потому о сборнике нужно говорить в целом, не раздирая его на две-три рецензии. Альманах стал реальным явлением, его покупают, о нём спорят. Он подчеркнул, что не нужно писать о сборнике взахлёб и чересчур “долбить” тоже.

— Было бы неправильно делать и то, и другое, но также было бы неправильно обойти разговор о сборнике как таковом, уйти в отдельные рецензии, — сказал он, поддерживая кандидатуру Евгения Осетрова. — Буду голосовать за то, чтобы положительно оценить повесть Балтера. Серьёзного разговора заслуживает повесть Окуджавы. Меня в сборнике поражает удивительная всеядность, когда рядом с великолепными вещами соседствует такое, которое для уровня районной газеты сегодня не очень... Это особенно относится к “Очеркам наших дней”. Рядом с великолепной прозой Паустовского торчат эти убогие очерки. Искусственно они сюда спихнуты, чтобы показать, что и у нас есть дух современности. Об этом тоже стоит поговорить. Почему составители этого сборника оказались так нетребовательны? Я уж не говорю о стихах Достала рядом с великолепными стихами. Я согласен с тем, что главу о Бунине в “Золотой розе” с горечью читаешь, и про- тест вызывает глава о Блоке.

Почему — либо Косолапов не сказал, либо не вошло в стенограмму. В ней дальше говорится о том, что, по словам главного редактора, нельзя ни ухудшать, ни приукрашивать историю литературы, что Сурков верно подметил какую-то фальсификацию о взаимоотношениях Станиславского и Мейерхольда. Этих его слов в стенограмме нет. Значит, Сурков говорил больше, нежели было за ним записано.

— Я не могу ходить по колено в этом потоке слюней, которые там напущены, — продолжил Косолапов, имея, видимо, в виду и статью о Мейерхольде, и сам альманах в целом. — Это всеядность и отсутствие элементарной требовательности. Это вещи, о которых нужно говорить. Серьёзные вещи. Выступим мы или нет, но сборник существует, о нём много разговоров, по его образцу будут обязательно делать что-то в других краях и областях. Почему об этом спокойно не поговорить?

Косолапов выразил уверенность, что Осетров сумеет справиться с поставленной задачей, раскрыть все плюсы и минусы альманаха. Молчание вызовет кулуарно преувеличенные оценки. Феликс Кузнецов, взявший снова слово, высказался за статью, посвящённую сборнику в целом. Но будущему критику нужно подсказать, что поставить во главу угла. Объять необъятное нельзя. Он поддержал мысль Георгия Гулиа внимательней остановиться на прозе.

Завершая разговор, критик и писатель, специальный корреспондент “Литературки” Никита Разговоров отметил, что необходимо избежать спекуляций, связанных с тем, что сборник приурочен к XXII съезду. Георгий Радов парировал, заявив, что сборник “вышел в наше время и не отвечает требованиям времени”, и скрыть этого невозможно.

— Ошибка редколлегии заключается в том, что она собрала с бору по сосенке и сунула всё это в сборник без идейного стержня.

Снова в точку.

Предложение отдела русской литературы о публикации статьи Осетрова в соответствии с высказанными замечаниями о сборнике было поддержано.

Нужно отметить, что никто из редколлегии не высказал “идеологических” претензий к альманаху, не говорил о том, что он вреден, опасен “для молодёжи”, не имеет права на жизнь.

Разбор Осетрова появился во вторник 9 января 1962 года. “Поэзия и проза “Тарусских страниц”, — гласил заголовок. Статья, как это и оговаривалось, занимала полтора “подвала”, разместившись на второй и четвёртой страницах газеты. Критик точно выдержал статью в русле тех мнений, что прозвучали в ходе обсуждения на редколлегии.

Осетров положительно оценил повесть Балтера, отметил неоднозначное впечатление от рассказов Казакова. Отрицательные стороны, по его мнению, заключаются в недостаточно определённой авторской позиции, хотя сами образы, в частности, Каманина из рассказа “В город”, созданы “с большой художественной силой”. Четыре абзаца статьи были посвящены Окуджаве.

Сначала Осетров привёл отрывок из повести: “Помогите мне. Спасите меня. Я не хочу умереть. Маленький кусочек свинца в сердце, в голову, и всё?.. Я даже десятого класса не кончил” и т. д. “После этого монолога ждёшь, — продолжал Осетров, — что автор покажет, как мужает герой, вырабатывает твёрдые черты характера. Но повесть обманывает эти ожидания. Герой произведения, усвоив “предельно искреннюю интонацию”, поразительно напоминающую, к стати говоря, интонацию персонажа из книги “Приключения Весли Джексона” американского писателя В. Сарояна, уже не может от неё избавиться”²².

Окуджава стремится быть скрупулёзно правдивым, подчёркивал критик, приводя очередной пример, строчку (“на кончике носа повисает капелька”). Но автор “Тарусских страниц” ошибается в главном: эпизод из быстротечной фронтальной жизни героя он принимает за настоящую войну.

“Я не отрицаю, что у повести Булата Окуджавы “Будь здоров, школяр”, быть может, появятся свои поклонники. Но я уверен, что она очарует лишь очень молодых или очень наивных людей, не искушённых в жизни и не имеющих никакого понятия о войне”, — делал вывод Осетров.

По поводу “Тарусских страниц” появилось ещё несколько откликов. 2 февраля 1962 года в газете “Литература и жизнь” в неподписанной статье

“Во имя чего и для кого?” статью Осетрова назвали слишком мягкой. Рецензент верно отмечал, что весь раздел “Очерки наших дней” носит в сборнике отписочный характер, его авторы “не успели полюбить ни землю, ни людей, о которых взялись писать”. Анонимный критик не соглашался с чрезмерно суровой оценкой повести Максимова, рассказов Казакова. Повесть Окуджавы была названа одной из самых явных неудач. “Повесть невероятно мелка, в ней нет и намёка на смысл и идеи справедливой войны. Герой повествования всю обнажает потребительскую свою сущность, упражняется в эгоцентризме на самом низком уровне”²³.

Вот это, по-моему, в десятку.

В апрельском номере ленинградского журнала “Звезда” за 1962 год появился отклик Дмитрия Молдавского. Критик отметил, что статья Паустовского о Буине уже публиковалась раньше в качестве предисловия к одному томику, выпущенному издательством “Московский рабочий”. Классик, “организовавший” “контратаку” на цензурные редуты, мало что нового дал для “Тарусских страниц”. Обойду стороной суждения о Буине и Цветаевой, о Всеволоде Иванове, который слишком восторженно, на взгляд Молдавского, отозвался о поэте. Мало чего нового прозвучало и о Казакове. Об Окуджаве Молдавский отозвался в тон Осетрову: “Война без риторики, без пресловутого “гром победы, раздавайся”, война без громких слов – всё это хорошо. Но война-то получилась без внутреннего содержания, без высоких освободительных идей. Стилизованная получилась война. И не к лицу человеку, не просто пережившему эту войну, а провоевавшему её, кокетничать, рассказывая о фронтовых буднях!”²⁴

Повесть Балтера и рассказ Трифонова показали критику хорошими, но они не делали погоды.

Молдавский отметил то, мимо чего прошли другие: внутреннее оформление. Отдельные репродукции хороши даже при плохой печати, в то же время опубликовано много такого, что представляет интерес разве для специализированных изданий. Я бы от себя добавил, что разбросанные по страницам картины против воли воспринимаются как иллюстрации к произведениям, и очень странно выглядит рисунок “Д. В. Поленов верхом на лошади” – набросок для картины “Богатыри” В. М. Васнецова (1882) в тексте повести Окуджавы, “Натурщик в одежде араба” А. Е. Архипова в рассказах Казакова, “Левитан в одежде бедуина” В. Д. Поленова среди взрослеющих мальчишек Балтера. Тут нужно бы было дать работу художнику-иллюстратору, но не было времени, да и думать было некогда. От части репродукций можно бы было отказаться, а что-то объединить в единый художественный блок. В советские времена была хорошая традиция: толстые литературные журналы выходили с репродукциями, в том числе цветными, картин современных художников, работ фотомастеров. Делать что-то подобное редколлегии “Тарусских страниц” не дерзнула. И Молдавский прав: “...В перенасыщенности “мирискусственными” стилизациями есть что-то провинциальное, старенькое, едва ли не мещанское, далёкое от споров вокруг проблем современного искусства”.

“Идейно неполноценный”

В тот же день, когда в “Литературной газете” вышла статья Евгения Осетрова, состоялось заседание бюро Калужского обкома КПСС. Сохранились его протоколы. Вопрос об издательстве был внесён на обсуждение под седьмым пунктом. Замечу: протоколы – не стенограмма дебатов.

Некоторые записи сделал во время учинённого ему разноса Роман Левита. Сохранив их, он поделился спустя много лет ими с журналистом Ильёй Мильштейном, а тот привёл в “Огоньке”. Редактор узнал, что составленный сборник – не просто плохой, а “вредный”, что это “пошлятина”, что “издательство проявило полную беспринципность”, наплевало на местных авторов и “на общественные начала”, а сам Левита “скатился с правильных партийных позиций” и т. д.

Левита защищался, ссылаясь на статью Осетрова: о сборнике, мол, пишу по-разному. Черту подвёл первый секретарь Калужского обкома КПСС Андрей Кандренков. “Вы говорите, что не согласны с мнением нашей газеты, однако “Знамя” – это партийный орган, а “Литературная газета” – беспартийный!

Вы не имеете права соглашаться с беспартийным органом, если партийный дал другую оценку!”²⁵.

Аргумент, против которого невозможно было возражать.

Как свидетельствуют протоколы, издательство сначала похвалили: оно стало больше выпускать нужных книг, “раскрывающих передовой опыт в промышленности, в сельском хозяйстве, в партийной работе”. Но дальше последовала резкая критика. В “Тарусских страницах” отобраны произведения, в которых “в искажённом виде, а порою грубо натуралистически отражаются явления действительности, подчёркиваются тёмные инстинкты в человеке, в то же время не показываясь передовые люди сегодняшнего дня, их творческий труд и богатый духовный мир. Повесть в стихах В. Корнилова “Шофёр”, рассказы Казакова, Максимова являются примером приспособления к дурным вкусам некоторой части молодёжи, наносят ущерб делу коммунистического воспитания трудящихся” и т. п.²⁶.

Обратим внимание: никто из редколлегии “Литературной газеты”, где принимали участие только писатели, даже не заикнулся о том, что альманах — “идеологическая диверсия” или что-то в этом роде. Речь шла только о художественных достоинствах и недостатках, в деловом ключе, и тот же “Шофёр” удостоился разных оценок. Но партийные чиновники разного уровня мыслят абсолютно иными критериями. . .

Обкомовский разнос продолжался, он занял в протоколах три машинописных страницы. Но кроме “Тарусских страниц”, речь шла о книгах и брошюрах сельскохозяйственной тематики. Список рекомендаций был из одиннадцати пунктов: что усилить, что и где повысить, на что обратить внимание, “обязать”, “предложить” и прочее. Нам интересен первый пункт, в котором бюро обкома КПСС “за серьёзные недостатки в работе издательства, выпуск идейно неполноценного литературного сборника “Тарусские страницы”, наносящего ущерб делу коммунистического воспитания трудящихся” объявляет А. Ф. Сладкову и Левите выговор, оговариваясь, что они “заслуживают серьёзного взыскания вплоть до снятия с работы”.

Итак, руководство издательства было наказано не только за “Тарусские страницы”, но за слабо организованную работу в целом, за совершенно забытую и нужную сегодня разве узким специалистам брошюру Н. Севостьяновой “Планирование сельскохозяйственного производства”, где “многолетние и однолетние травы относились к ценным культурам”, за то, что “редакционный и художественный советы издательства по существу не работают” (так и было), что “руководящие работники издательства перед читателями выступают крайне редко”, за то, что. . . “Тарусские страницы” стали последней каплей. Альманах “сдетонировал”, и на поверхность взлетело всё то, что прежде терпелось, на что закрывали глаза.

10 января 1962 года заведующий отделом пропаганды и агитации и заместитель заведующего отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР В. Степаков и З. Туманова подготовили докладную записку о содержании сборника “Тарусские страницы” для рассмотрения её на республиканском бюро. По своему содержанию это пересказанная другими словами статья из калужской газеты “Знамя”. За излишнюю мягкость тут досталось и Евгению Осетрову. Он в своей статье не дал “прямой принципиальной оценки наиболее слабых произведений. Более того, Е. Осетров обошёл молчанием идейно порочную поэму В. Корнилова “Шофёр”, а сборник в целом оценил как “во многом привлекательную и умную книжку”. Не знаю, откуда были взяты эти цифры, пока не удалось ни подтвердить их, ни опровергнуть: “На издание сборника затрачено 40 процентов гонорара и более одной трети типографской бумаги, полученной издательством в 1961 году”²⁷.

Вывод — Калужскому обкому КПСС и Министерству культуры РСФСР необходимо рассмотреть работу издательства и принять меры к её улучшению. Правлению Союза писателей РСФСР неплохо бы обсудить сборник.

Минул месяц. 13 февраля на другом бюро Калужского обкома было утверждено более жёсткое решение. На сей раз речь идёт только о “Тарусских страницах”. “За потерю политической бдительности и партийной принципиальности, помещения в литературном сборнике “Тарусские страницы” идейно вредных произведений” Р. Я Левита был снят с работы, получил выговор с занесением в учётную карточку. Выговор получил и директор А. Ф. Сладков.

А. К. Сургаков, признавший своё разрешение на выпуск “Тарусских страниц” серьёзной ошибкой, отделался строим указанием²⁸.

Если 9 января 1962 года бюро Калужского обкома КПСС наказало руководство издательства за всю работу в целом, то теперь, спустя совсем немного времени, именно за “Тарусские страницы”, и более сурово. Досталось теперь и Сургакову. Обком следовал указаниям свыше.

В Центральном Государственном архиве новейшей истории (Москва) сохранился проект специального постановления бюро ЦК КПСС по РСФСР “Об ошибке Калужского книжного издательства”, где звучит то же решение о выговорах и снятии с работы²⁹. Отдельный пункт повторял рекомендацию в адрес Союза писателей РСФСР провести обсуждение “Тарусских страниц”. Проект должны были подписать Егор Лигачёв и Евгений Чехарин – партийные деятели далеко не второго ряда.

22 февраля 1962 года было подготовлено постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР, где говорилось, что Калужское книжное издательство допустило серьёзную ошибку, выпустив массовым тиражом сборник, “содержащий ряд произведений не только слабых в литературно-художественном, но и порочных в идейном отношении”. Повторялось обвинение в растрате гонорарного фонда и бумаги. Совершенно справедливо было отмечено, что Левита и Сладков “безответственно отнеслись к изданию сборника, не организовали обсуждения его на редакционно-издательском совете и не обеспечили тщательного редактирования, грубо нарушив тем самым порядок подготовки рукописей к печати”. Потом, в 1990-е, стараясь оправдаться, составители “Тарусских страниц” станут клясть Кожевникова, Софронова и Кочетова – это они, мол, плохие редакторы...

Утверждается, что инициаторы альманаха были прекрасными коммерсантами. Илья Мильштейн: “Экономист Левита и поэт Панченко задумали сделать своё бедное издательство богатым. Экономист обладал хорошим литературным вкусом, а поэт – экономической хваткой. Решено было, что районный альманах должны, прежде всего, составлять произведения, отмеченные печатью таланта”³⁰. Ну, какую “печать” наложил Оттен на повесть Балтера, мы видели. Если бы всё действительно было так, альманах не получился бы с художественной стороны таким пёстрым. Вместе с тем издание с финансовой стороны действительно себя оправдало. И создание заранее искусственного ажиотажа было верным коммерческим ходом.

Сделаться богатым... Мильштейн пишет о начале 1960-х, когда один из его собеседников “входил в коммунизм”, но в статье торчат уши идейных лозунгов 1990-х – сделаться богатым самому. Коль скоро ты способный и талантливый, то почему ты не богат? “Герои” статьи – коммерсанты-романтики: никто не думал “сделать бедное издательство богатым”, только они.

В архиве издательства сохранилась объяснительная записка к балансу по Калужскому книжному издательству (её подписали А. Сладков и бухгалтер А. Ефремов). Неясно только, кому она была адресована, но не столь важно. Финансовое состояние издательства на 1961 год в ней оценивается как хорошее. Оно “...дало нам возможность почти полностью рассчитаться со всеми кредиторами за бумагу, картон, коленкор и ледерин, а также по гонорару, зарплате и с типографией за типографские расходы, рассчитаться с бюджетом по прибылям, а таких расходов за весь 1961 год было на общую сумму 172 693 рублей”³¹. Приводятся здесь и другие цифры.

Записка, подготовленная калужским обкомовским чиновником П. Аняевым, вносит, однако, некоторые уточнения и коррективы.

“На протяжении ряда лет, – говорится в ней, – издательство работает рентабельно, и в целом план по объёму печатной продукции в листах выполняется. Однако достигается это выполнение за счёт заказной литературы”³². Дальше это раскрыто на конкретных цифрах. Что касается 1961 года, то на 1 декабря было выпущено только 40 процентов названий, утверждённых в издательском плане. Что-то не успели выпустить и перенесли на следующий год, что-то опоздало к конкретной дате, а потому осталось на полках магазинов и на базе, что-то, как, например, брошюры “для экономических школ и кружков”, выходили в свет не целыми сериями, но библиотечками, а разрозненно и тоже зависли в продаже. В записке приведены конкретные названия, сегодня они мало что кому-то скажут.

Следовательно, “гениальность” и расторопность Левиты и Панченко проявилась разве в проталкивании “Тарусских страниц”. В том, что многие книги лежали мёртвым грузом, есть также вина и Облкнигторга – самой сети книжных магазинов, и это подчёркивает докладная записка Ананьева. Реклама изданий была никуда не годной, в том числе и в местной печати (а это один из элементов редакторской работы тоже). Издательство спасали целевые заказы, план по ним перевыполнялся порой вдвое. И всё было хорошо. Последующие два года, 1962-й и 1963-й, показали, что ничего не меняется. И тогда последовала реорганизация, на смену Калужскому пришло Приокское книжное издательство с центром в Туле.

Илья Мильштейн хочет убедить: “. . . После “Тарусских страниц” Калужское издательство уж никак нельзя было назвать нерентабельным. . . Разбогатев, оно претерпело примерное наказание, дабы другим неповадно было!” И здесь у журналиста на первом плане потребительские ценности девяностых. Советская власть-де душила всё хорошее. . . Альманах, конечно, окупился, и прибыль принёс, но дела издательства не поправил. Два экономических гения не вытянули обычную рутинную работу. Издав собственный сборник стихов и протолкнув “Тарусские страницы”, Панченко не думал об издательстве. “В Москву, в Москву! . . .”

С высоты прошедших лет

Пришла желанная литературная “свобода”. В 1991 году в “Литературной газете” Панченко заявил, что готовится второй выпуск опального сборника, который когда-то “весенним шумом прорвался в дозированную оттепель”³³. Но легко “богатеть”, когда у тебя государственная бумага и гонорарный фонд. Куда же теперь делся предпринимательский гений составителей “Тарусских страниц”? Несмотря на заявленные имена (И. Бродский, Ю. Казаков, Б. Окуджава, Ю. Олеша, А. Солженицын, В. Шаламов и многие другие), сборник вышел только в 2003-м. “Двенадцать лет редколлегия альманаха тщетно боролась с капитализацией книжного рынка в стране”, – читаю в аннотации третьего выпуска. Он, в свою очередь, увидел свет в 2011-м. Дважды ему помогла “заграница” – журнал “Грани”. Я верю, что второй выпуск прекрасно разошёлся по зарубежным подписчикам, но не попал в книжное собрание Российской государственной библиотеки и канул в литературную Лету. Третий хранится здесь со штампом Отдела литературы русского зарубежья. Четвёртый выпуск вышел в свет через два года. В качестве места издания обозначена Таруса. Будет ли пятый – вопрос.

В 2005 году Николаю Панченко была посмертно присуждена премия “За гражданское мужество писателя” имени Андрея Сахарова. Собственно, в чём это мужество выразалось? В пробивных способностях, в том, что он подсовывал чиновникам Обллита другие произведения, подменяя подлинное содержание альманаха, который мог и не пройти, а потом вовремя смолот удочки? Ну, тогда премию надо давать не за мужество, а за двуличие. . . Впрочем, что об этом. . .

Подводя итоги, нужно повториться, во-первых, что редколлегия “Тарусских страниц” не предложила и не выработала выверенных художественных критериев отбора произведений (при “залежах” талантливых рукописей). Удачи носят случайный характер. Члены редколлегии не были между собой едины. Деятельного участия в отборе произведений для альманаха Паустовский не принимал и сам процесс отбора не контролировал. Внутреннего стержня, основной идеи альманаха не имел. Была задача опубликовать своих и что подвернётся. Отсутствие внутреннего рецензирования и прочих “цензурных препон” не гарантирует качества.

На “Тарусских страницах” скрестились, во-вторых, два разных подхода к творчеству, два взгляда: чисто литературный, выраженный разными писателями (“Литературная газета”, “Звезда”), и партийно-бюрократический. Странники последнего, в отличие от писательской среды, стремившейся судить взвешенно, увидели в выходе сборника посягательство на идеологические устои – то, чего не было.

Сборник не слишком отвечал руководящим партийным директивам, но это не делало его лучше. Наказание издателей было слишком суровым и незаслуженным и через годы послужило поводом для спекуляций. Хороши

были “Тарусские страницы” или плохи, но издательское дело в Калуге почти зашло в тупик и требовало реорганизации. Когда к концу года выпущено 40 процентов изданий, внесённых в план, как это назвать? Так или иначе, выговор и снятие редакторов с должности придали выходу книги, которая не стала литературным событием, лишней резонанс. О какой-то “литературной порядочности” можно говорить, не читая её совсем.

“...Альманах имел чёткую эстетическую позицию, которая, несомненно, была противопоставлена “господствовавшему тогда... официальному академическому искусству”, насквозь лживому и бездарному”, уверяет Илья Мильштейн. Но ведь всё бездарное бездарно одинаково. Я не понимаю, что тут подразумевается под “академическим искусством”. Стихи того же Панченко “Я в коммунизм вхожу не как в гостиную”?

Актуализация интереса к “Тарусским страницам”, в-третьих, не связана с художественным качеством представленных там произведений. Она была вызвана внелитературными факторами. Когда началось крушение советского строя, потребовалось лишнее орудие, пусть мелкое, для идеологического демонтажа. Тут “книга-веха” и пригодилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Виноградова З. Повторение пройденного // Октябрь: Общественно-политическая газета Тарусского района Калужской области. 2011. № 83-84, 3 июня. С. 8.
- ² О журналах “Литературная Москва” и “Тарусские страницы” Паустовского // “Константин Паустовский”. [Электронный ресурс]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/mesta/tarusa/o-zhurnalah.htm>
- ³ Мильштейн И. Калужский инцидент // Огонёк. 1989. № 14. С. 23.
- ⁴ Гизатулин М. Р. Булат Окуджава: “...из самого начала”. М., 2008. С. 243.
- ⁵ Быков Д. Л. Булат Окуджава. М., 2009. С. 383.
- ⁶ Памяти Романа Яковлевича Левиты // Экономическая наука современной России. 2003. № 1. С. 182.
- ⁷ Виноградова З. Обогнавшие время: Интервью с Г. П. Корниловой // Октябрь: Общественно-политическая газета Тарусского района Калужской области. 2011. № 89-90, 16 июня. С. 8; Корнилова Г. В Тарусе // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: “Он между нами жил...”. М., 2008. С. 48-49.
- ⁸ ГАКО. Р.-3478. Оп. 1. Д. 38. Л. 18. Машинопись. Подпись – автограф.
- ⁹ Романов П. К. Докладная записка в ЦК КПСС // Мир Паустовского. 1998. № 11-12. С. 18.
- ¹⁰ Гизатулин М. Р. Указ. соч. С. 245.
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 2590 (А. К. Гладков). Оп. 1. Д. 321. Л. 12.
- ¹² Там же.
- ¹³ Окуджава Б. Ш. Всё ещё впереди // Мир Паустовского. 1998. № 11-12. С. 21.
- ¹⁴ Панфёров Р. В. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 321. Л. 12об.
- ¹⁶ ГАКО. Р.-3478. Оп. 1. Д. 28. Л. 105об.
- ¹⁷ Кучеровский Н., Карпов Н. Во имя чего и для кого? // Знамя: Орган Калужского областного и городского комитетов КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся. 1961. № 299, 23 декабря. С. 3.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ РГАЛИ. Ф. 634 (Редакция “Литературной газеты”). Оп. 5. Д. 54. Л. 15.
- ²² Осетров Е. И. Поэзия и проза “Тарусских страниц” // Литературная газета. 1962. № 4, 9 января. С. 4.
- ²³ Во имя чего и для кого? // Литература и жизнь. 1962. № 14. 2 февраля. С. 3.
- ²⁴ Молдавский Д. М. О сборнике “Тарусские страницы” // Звезда. 1962. № 4. С. 214.

- ²⁵ Мильштейн И. Указ. соч. С. 25.
- ²⁶ ГАДНИКО. П.-55. Оп. 9. Д. 1113. Л. 19.
- ²⁷ “Тарусские страницы”. Тридцать лет спустя // Тарусские страницы. М., 2011. Вып. 3. С. 10.
- ²⁸ ГАДНИКО. П.-55. Оп. 9. Д. 1113. Л. 128.
- ²⁹ Мир Паустовского. М., 1998. Вып. 11-12. С. 19. То же: “Тарусские страницы”. Тридцать лет спустя // Тарусские страницы. М., 2011. Вып. 3. С. 11.
- ³⁰ Мильштейн И. Указ. соч. С. 23.
- ³¹ ГАКО. Р.-3478. Оп. 1. Д. 28. Л. 95.
- ³² ГАДНИКО. П.-55. Оп. 1. Д. 1114. Л. 8.
- ³³ Панченко Н. “Тарусские страницы”: 30 лет спустя // Литературная газета. 1991. 17 июля. № 28. С. 9.